

Слепцы

В Москве белокаменной жил один парень в рабочих; задумал на лето в деревню идти и стал просить у хозяина расчета. Только не много пришлось ему получать денег, всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошёл за Калужскую заставу; смотрит — сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и говорит:

— Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачи.

Слепой положил полтинник в свою кофеечку и снова затянул:

— Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!

— Что ж ты, старик? Подавай мне сдачу.

А он будто не слышит:

— Ничего, родимый! Ещё солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести.

— Оглох, что ли? Мне самому идти добрых сорок вёрст, деньги в дороге-то надобны!

Взяло мужика горе пуще острого ножа:

— Эй, — говорит, — старый чёрт! Подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!

И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал:

— Батюшки, грабят! Караул, караул!

Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про себя, от греха уйти, а то не ровён час — прибегут караульные, да ещё в город поведут! Отошёл шагов с десяток или больше, остановился на дороге и всё глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нём лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетёшься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит:

— Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?

Стал он шарить с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю».

Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплёлся на одном костыле; следом за ним пошёл и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошёл слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпёр свою келью; только он отворил дверь настежь — а мужик поскорей туда, забрался наперёд его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю, — думает, — что дальше будет?» Вот слепой пошёл в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку — так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погодя тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое — так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не он под руку попался, ещё дня три просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему, — думает мужик, — полно ему, старому чёрту, куражиться!» — и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами.

— Ишь, зацепил за лавку! — говорит слепой и пошёл щупать; щупал, щупал — нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал:

— Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!

Пришёл Пантелей — такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил.

— Что такое? — спрашивает он.

— Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался — сам не ведаю; шутка ли — пятьсот рублёв денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было.

— Поделом вору и мука! — сказал Пантелей. — Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребёнок, задумал деньгами играть; вот теперь и

плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот рублёв, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на неё никто не польстится!

Мужик услышал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздём прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хватить его по рылу:

— У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие заришься!

Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушёл; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.